

2.9 Символика жеста

О красоте, искренности, значимости, красноречии иконописного жеста в образах Феофана можно бы рассуждать совершенно отдельно. Можно ли при этом рассуждении указать на кой-то формально существующий по выявленным признакам язык жестикуляции в иконе? Едва ли это так. Жесты, вписанные в общую гармонию изображения, в них безусловно прочитываются отдельные смысловые грани, буквально замещающие язык звучащий языком видимой грации движения, языком, формируемым и произносимым человеческими ладонями, пальцами, их обращённостью относительно изображённой фигуры и предстоящего молящегося человека. Чрезвычайно важно то, как

открытые ладони подчёркивают, жесты куляции – внятно определяют, озвучивают образ. Можно восхищаться этим, можно слагать стихи, замирая при этих жестах, можно молчаливо труднически – научиться мастерством живописи, можно воспринимать эти жесты – как высокое художественное достижение создателя образа, умеющего с использованием всех возможных изобразительных средств и инструментов – преподать духовное содержание образа – тем, кто готов это содержимое образа – впитать, распознать, воспринять. Вот – десница Иоанна Предтечи, возводящая человечество к Богу Отцу. Испрямляющая и обратный путь Бога – к нам, человекам. Приидите, прямыми соделайте пути Его, устремите и свой встречный путь по этим испрямлённым, выпрямленным, нелукавым – путям – на встречу Богу.

Пожалуй, что этот пример стоит разобрать подробнее, во взаимосвязи образа в жесте, соответствующем Богословскому основанию живописной программы и архитектурному устройению литургического пространства храма. Световой барабан купола, чин святых сынов Божьих – увенчан фигурой Иоанна Предтечи, буквально текущего пред Христом, перед Христом, ближе к нам – востекающего к Богу Небесному перед Спасителем, пред – шествующий, пред-текущий воплотившемуся Спасителю. Востекающий Предтеча изображён на востоке светового барабана. Вос-ток, вос-течение, вос-хождение к Вседержителю, Богу – Отцу – видимому через Бога Сына, следующего к Отцу, пролагающего Собой и в Себе – путь этого следования. Жест правой руки Предтечи Господа – Иоанна – указывает на это вос-течение, на этот вос-торг, исход от земли – к Востоку востоков. Вот такое сочетание смыслов и значений стороны света, стороны храма, ориентированного к свету восходящему, вос-текающему, стороны храма, сообразованной с образом святых. Так от Бога, от Востока, начинается череда сыновства Божьего от праотца Адама. И Востоком же – завершается эта череда, вос-текающая к Богу, - от Бога и к Богу – течёт череда – чин сыновства Божьего в изображённой последовательности праведных праотцов. Востекает эта череда – через выше лежащий ангельский чин, - безусловно не дерзает Предтеча распространить, воздеть свою длань прямо к лику Пантократора, но поднята рука в область чинов архангелов и серафимов, непосредственно окружающих образ Пантократора. Таковы образные глубины сочетания живописных чинов, сторон храма, сторон света, - осознание этих глубин обнадёживает нас приступить к осмысливанию храмового целого и выразить видимое и воспринимаемое нами единство - в гармонии слов. *Через слово и в слове, - принимаем единение этих смыслов.* Так, рассуждая о иконописных жестах не остановим себя в желании пропеть пред ними воскипающую в груди, произливающуюся во вне - поэзию от личного сердечного со-звучия, со-участия, приятия, - как знак отзывчивости к живописанному красноречию, нашедшему отклик в личной – моей – душе.

Вот - непонятная с первого прочтения символика левой руки праотца Еноха в чине сыновства Божьего, - буквально скрючена кисть в некоем предельном напряжении. Вот – последовательно развивающаяся перед нами и цветущая смыслами - симфония жестов рук столпников. Возможной, верим, душеполезно нам будет со тщанием рассудить — над глаголами этих жестов. Вот – жест святителя в диаконнике: покровенная левая рука – с евангелием затворенным, правая рука сложена именованно и обращена ладонью вверх, - восприимлет образ сошествия Святаго Духа, если этот сюжет присутствовал в восточном люнете над алтарём. Даже если и не было здесь этого изображения, сходение Святаго

Духа, - неотъемлемый смысловой акцент, доминанта всей литургической последовательности действий: призывание, стяжание и приятие Святого Духа, сходящего на Святые Дары на престоле. Ладонь, именованно сложенная, грациозно развёрнута и обращена к этому нисхождению... В образах святых нет изображения бездны зрачков глаз, созерцающих нисходящего Бога, но есть бездны глаголов, источаемых жестами, - свидетельствуют эти гласы и обозначают внутреннее состояние - внешними проявлениями красноречивых рук. В храме нет образов, жест рук которых не был бы пре-исполнен символическим содержанием. Не позволим себе пройти мимо, не разрешим себе удалиться от размышлений над ними... перед ними.

Выскажем личное мнение о том, что иконные образы, созданные Феофаном, не предполагают, не ждут от молящегося перед ними - вглядывания в глаза изображённых ликов. Очи ликов феофановой кисти как бы замутнены пеленами неведения ничего земного. Мы говорили уже о том, что присутствие черни – зрачков можно распознать лишь в очах Пантократора, действительно взирающего очами Своей Божественной природы. Но на дне этих чёрных зрачков – содержится свет, проистекающий из глубины этих во-истину – зрящих очей. От черни глаз Пантократора проистекает свет познающий. На всех прочих ликах святых мы не найдём зрачков у глаз – зениц у очес. Человеческие очи - слепы перед познающим взором Бога Отца, изливающимся через Сына. Человеческий взгляд не может встретиться глазами – в глаза с этим взиранием Бога, познающего тварь. Иная наполненность смыслов, иная изобразительная цель здесь, очень отличная от простого желания как-то оживить лик. Это в реалистическом портрете и в неудачно рождённом изображении лица, стоит лишь зачернить глаза изображённому, впустить в них капельку белил – и вселяется живинка, оживает самый неудавшийся образ. Здесь же нарочито отстранён мастером от себя этот нехитрый изобразительный приём. Глаза ликов – не видят созерцаемый мир. Вглядываются сквозь него в мир прозреваемых Божественных сущностей, не задерживаются на мире видимом, обыденном, обстоящем, профанном, Созерцается мир невидимый, пребывают в нём. Видимое воспринимает лишь взгляд Пантократора. Выражение смысла и символизм фигур и образов святых – не в этой световой живинке – блике внутри глазниц, внутри зрачков ликов, не в пре-творении ликов иконы - в лица, но более – в про-явлении всей полноты Богосыновства человеческого естества в освящённом образе. Полнота проявляется в жесте более, чем в оживлении лица, - в жестах, светах, лежащих наобраз, в выражении лица - лика, в положении тела, в положении складок одежды, в атрибутике в руках, в символизме – знакописи жестов. Внешнее выражение полноты человеческой природы в святости – столь важно, столь разнообразно у Феофана.